

Г. И. Анохин

СУДЬБА ГРЕНЛАНДСКИХ НОРМАННОВ

Ликвидация остатков Ганзейского Союза в XVII в. была радостно воспринята купцами крупнейшего в Норвегии порта Бергена. Руки бергенских торговцев были развязаны. Бурную деятельность проявила компания, организованная 47 купцами. Она вкладывала деньги не только в торговлю, но и в промыслы морского зверя — моржа, тюленя, кита. Снова поднялись в цене моржовая и нарвалья кость...

Тут вспомнили, что раньше, лет 300 назад, ее ввозили из Гренландии, где жили соотечественники — норманны, давным-давно переселившиеся из Норвегии. А священник Ханс Эгеде даже выдвинул идею, показавшуюся всем замечательной, — послать к соотечественникам экспедицию, установить с ними прежнюю тесную связь, а заодно возобновить проповедь христианских идей среди паствы, оторвавшейся от норвежской церкви еще тогда, когда она была не протестантской, как ныне, а католической.

Сказано — сделано. В 1721 г. экспедиция отплыла в Гренландию, и когда после долгих мытарств достигла ее холодных берегов, то торговцы и их пастор Ханс Эгеде обнаружили лишь руины давно покинутых норманнами хуторов, да кое-где промысляющих тюленя совсем чужих людей — эскимосов...

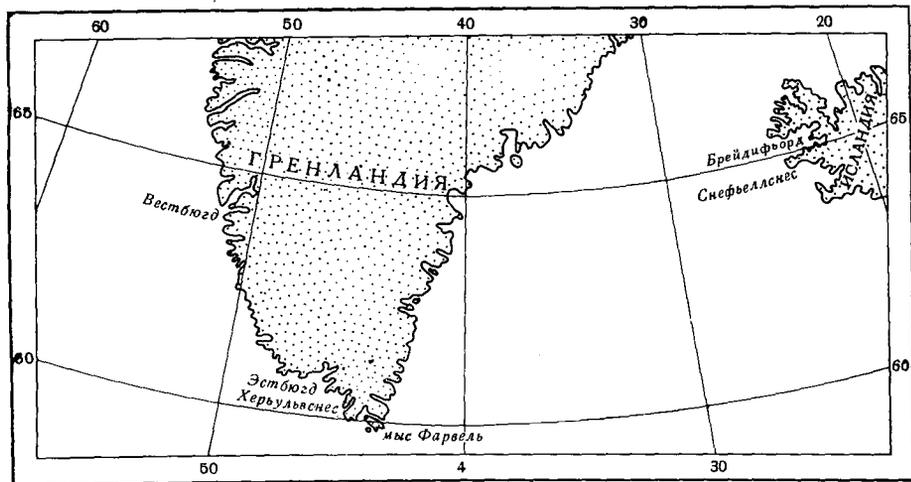
Куда же исчезли гренландские норманны? Что случилось с соотечественниками пастора и бергенских купцов?

Это очень трагичная и запутанная история, и начать ее нужно с самих истоков.

С конца VIII и до конца XI вв., в так называемую «эпоху викингов», дружины морских разбойников из Скандинавии на своих быстроходных парусно-весельных кораблях плавали вдоль берегов Европы, проникая даже в Средиземноморье, в Черное и в Каспийское моря, и опустошали, а иногда и захватывали прибрежные поселения и целые острова и архипелаги. Этих грабителей с Севера Европы, бывших в ту пору язычниками, вся христианская Европа называла викингами, если хотела подчеркнуть их образ жизни мореходов, или норманнами, если хотела подчеркнуть их этническую принадлежность к народам Северной Европы. Полагают, что название «викинги» произошло от «вик» — «залив», — т. е. «люди из заливов» или в переносном смысле «морские люди». А перевод наименования «норманны» означает «северные люди».

В конце I-го тысячелетия нашей эры, в процессе таких походов, викинги из Дании и Норвегии захватили запад Франции, а затем и часть острова Великобритания. А викинги из Западной Норвегии с семьями заселили почти безлюдные или совсем безлюдные острова Северной Атлантики — Шетландские, Оркнейские, Гебридские, Фарерские, Исландию и Гренландию.

При этом постепенно образовывались локальные географические группы населения — шетландцы, оркнейцы, гебридцы, фарерцы, исландцы, гренландцы. Поскольку в русском языке последний термин может быть спутан с понятием «эскимос» или «современный гренландский датчанин», мы ввели в этой статье точный термин, вынесенный также и в заголовок, — гренландские норманны.

Поселения норманнов в северо-западной Исландии и в Гренландии

История колонизации викингами Гренландии началась с плавания Эрика Рыжего и последовавших затем переселений его друзей и других норманнов с семьями, покинувших Исландию. Так как в нашей литературе образ Эрика Рыжего и история переселения в Гренландию до сих пор точно не отражены, мы дадим перевод этого куска исландской саги об Эрике Рыжем. В это свидетельство никто из зарубежных и отечественных ученых не внес каких-либо важных добавочных сведений, кроме попыток датировки описываемых событий.

В «Саге об Эрике Рыжем», сохранившейся в составе рукописного свода «Хауксбок» в списках 1320-х годов говорится:

«Турвальдом звали одного человека. Он был сыном Освальда, сына Ульва, сына Экне-Туре. Сыном Турвальда был Эрик Рыжий. Турвальд и Эрик бежали из Иерена [Норвегия] в Исландию по причине убийства...».

Когда отец и сын прибыли в Исландию /а это, по мнению ученых, относится примерно к 970 г. н. э./, лучшая земля там давно была занята, и они должны были искать ее в северо-западном углу острова, на довольно бесплодных пустошах.

«Они взяли землю в Хорнстрандах [восточнее мыса Хорн, или Норд на крайнем северо-западе Исландии] и жили возле Дрангара; там и умер Турвальд. Тогда Эрик женился на Тьедхильде, дочери Йорунда Атлесёна и Турбьёрги Кнарребринге, а та тогда уже была замужем за Турбьёрном из Хаукадаля. Поэтому Эрик переселился на юг, поднял целину в Хаукадале и жил в Эрикстадюре, возле Ватсхорна. Рабы Эрика напали на усадьбу Вальтвеа — Вальтвастадюр. Эйульв Саур, его родственник, убил рабов возле Скейдбреккера выше Ватсхорна. По этой причине Эрик убил Эйульва Саура. Он дрался также и на поединке на острове Равн возле Лейксколара. Гейрстейн и Удд, родственники Эйульва, привлекли Эрика в Йорве к судебной ответственности, и Эрик был осужден на изгнание из Хаукадаля.»

Он взял землю на острове Брокёй и острове Экснёй [у выхода из Хваммсфьорда в Брейдифьорд], но первую зиму жил в Традере, на острове Сюдерёй. Он дал тогда во временное пользование Тургесту столбы от кресла главы рода *. Затем Эрик переселился на Экснёй и жил в Эрикстадуре. Он потребовал возвращения столбов от кресла главы рода, но не получил их. Тогда он пошел за столбами в Брейдибульстадур, но Тургест бежал от него. Они сражались невдалеке от [его] двора, возле Дрангара. Там пали два сына Тургеста и некоторые другие. После этой стычки оба содержали большие дружины у себя дома. Эрик получил помощь Стира, Эйульва с острова Свинёй, Турбьёрна Вивильсёна и сыновей Турбранда из Альтифьорда, а Тургест — сыновей Турда Геллеса, Тургейра из Хитордаля, Аслака из Лангеватна и его сына Иллуге. Но на тинге [вече] в Турснесе Эрик и его люди были поставлены вне закона и осуждены на изгнание.

Тогда он снарядил свой корабль в Эриксвоге [на острове Экснёе]. Но Эйульв скрывал его в Димунарвоге [островок западнее острова Свинёй], в то время как Тургест и его люди искали Эрика повсюду на островах. Эрик сказал своим друзьям, что он надумал повести их за собой в ту страну, которую видел сын Ульва Крока — Гуннбьёрн, когда он плавал в море на запад и нашел шхеры, названные потом его именем. Эрик сказал, что он хотел бы вернуться к своим друзьям, если он найдет ту страну. Турбьёрн, и Стир, и Эйульв последовали за Эриком мимо островов и расстались затем с заверениями дружбы. Эрик обещал, что он поможет всем, как он сможет, если они будут нуждаться в нем.

Эрик отплыл в море от ледников Снефьеллсйокель и плыл в направлении ледника, который называют Блосерк [на западном берегу Датского пролива]. Отсюда он двинулся на юг для того, чтобы поискать, можно ли там заселить землю. Первую зиму он был на острове Эриксёй около средней части Эстербюгда. В следующую весну он вошел в Эриксфьорд [возле современного Юлианехоба] и там выбрал себе место для жилья. Летом он посетил ненаселенный район западнее и дал название многим местам. Во вторую зиму он был на островках Эрикскольменах [60—70 км западнее мыса Фарвель], возле мыса Кварвен. Но в третье лето он проплыл на север вплоть до Снефьелла и вошел в Равнфьорд. Тогда он подумал, не войти ли внутрь страны дальше, выше Эриксфьорда. Затем он вернулся и третью зиму пробыл на острове Эриксёй в устье Эриксфьорда. В следующее лето он вернулся в Исландию и причалил в Брейдифьорде. Зимой он был у Ингульва на Хольмлотре [восточнее Брейдавульстадюра в Скогарстранденах]. Весной Эрик сражался с Тургестом и потерпел поражение. Затем они прекратили тяжбу. Летом Эрик отправился заселять страну, которую он нашел и которую он назвал Гренландией [Зеленая страна], чтобы, как он говорил, «крепко заманить туда людей, потому что страна имела красивое название».

Мы видим, согласно свидетельствам саги, что Эрик был своенравным и драчливым человеком, и эта характеристика как раз более всего соответствовала типичному образу мужчины эпохи походов норманнов. Если теперь добавить некоторые предположительные даты, то с предысторией колонизации Гренландии вопрос будет исчерпан. Ориентировочно считают, что Эрик родился около 950 г. Изгнали его из Хаукадаля около 980 г. Он повторно был осужден на изгнание решением тинга в Турснесе около 982 г. и до 985 г. обследовал Гренландию. Вернувшись к зиме в Исландию, он следующим летом во главе большой флотилии из 35 судов отправился заселять Гренландию. На кораблях было несколько сот человек — мужчины с их семьями и зависимыми людьми, — а также коровы, лошади, овцы и собаки, запасы продовольствия и фуража, оружие и хозяйственный инвентарь. Лишь 14 кораблей достигли цели. Остальные затонули или вернулись в Исландию.

Эрик, как знаток новой страны, возглавил распределение земельных уделов. Херьюльв взял Херьюльвснес, Кетиль — Кетильсфьорд, и т. д. — каждый из соратников брал ту землю, на которую он претендовал, поскольку земли было много. Сам Эрик взял земли вокруг Эриксфьорда, наверное одно из лучших мест, обследованных им, и построил там свой двор — Братталид («Крутой склон»).

* В Норвегии раннего средневековья глава состоятельного двора имел свое персональное кресло, передававшееся из поколения в поколение в данном хозяйстве. Переселенцы из Норвегии на острова Северной Атлантики сохранили эту традицию.

Постепенно прибывали все новые и новые поселенцы, занимая все новые и более далекие места. Возникло два больших населенных района — Эстербюгд на юго-западе острова, от 60 до 61,5° сев. широты, т. е. от мыса Фарвель до современного Фредериксхоба, и Вестербюгд — на западном берегу, около 64,5° сев. широты, в районе современного Годхоба.

На земле, где поселились норманны, хотя она и примыкала к материковым ледникам, все же были прекрасные пастбища, а местами — густые заросли березы, ивы и ольхи. На суше в изобилии водились крупные гренландские олени, а в море и фьордах — треска, моржи, тюлени, киты и белые медведи. Животные не знали человека, и это облегчало охоту на них.

Гренландские норманны занялись животноводством, охотой, рыбной ловлей и промыслом морского зверя. И хотя климат в ту пору был мягче, чем позднее, все же земледелие в условиях сырого Приполярья в ту пору было невозможно и зерно приходилось ввозить из Норвегии.

Тот самый уклад железного века, который господствовал в Норвегии до начала заселения норманнами островов Северной Атлантики, сохранился и в Гренландии. Это была переходная стадия развития общества, эпоха военной демократии. Местное общество состояло из больших патриархальных семей землевладельцев. В состав большой семьи, помимо жены и детей, входили семьи взрослых сыновей, а также чужие зависимые люди и рабы. Труд последних использовался на строительных работах, в кузницах, которые, возможно, имела каждая большая семья. Они же были пастухами. Главы знатных больших патриархальных семей землевладельцев носили наследственное звание хёвдинга.

В Гренландии не было никакого государства, и то, что по свидетельству источников «все сообразовывалось там с советом Эрика Рыжего, и это продолжалось до тех пор, пока он был жив», вовсе не означает, что он был монархом или главой государства, которых не существовало здесь, а лишь то, что более опытный, более смелый, а может быть экономически более сильный предводитель одной семейной общины был в делах всего общества большим авторитетом, советам которого все старались следовать.

Гренландские норманны жили в суровых природных условиях, и эти условия сильно ограничивали их хозяйственные возможности. Если природа дала пастбища для скота норманнов, то для постройки жилых домов и хлебов нужно было выжигать густые заросли карликового мелколесья, чтобы постройки не вторгались на пастбища и не ограничивали их площади. Об этих выжиганиях свидетельствует сплошной слой пепла на местах бывших дворов, раскопанных с 1921 по 1964 годы датскими археологами.

Строительными материалами служили валуны, дернина и стволы мелколесья, а также сибирского плавника, занесенного из Ледовитого океана на берега Гренландии. Плавник же был главным строительным материалом для кораблей. Именно из-за него и его громадных поначалу завалов на берегу, а затем из-за одиночных стволов, выбрасываемых на берег морем, разгоралась ожесточенная конкуренция между различными хозяйствами, приводившая к горячим спорам и стычкам. Со временем старые запасы плавника были исчерпаны и стволы деревьев нужно было привозить из Норвегии или из каких-то других стран. Топливом служили древесина мелколесья и торф, добываемый из-под дернины на пастбищах.

Для изготовления оружия и хозяйственного инвентаря (топоров, ножей, гвоздей, подков, молотов, щипцов, котлов, наконечников гарпунов,

копий, стрел и т. п.) требовалось железо. Возможности для его выплавки имелись. В Гренландии, как и в Исландии и Норвегии, было много болотной руды, из которой выплавляли железо, как и на общей родине исландских и гренландских норманнов — в Норвегии. Из торфа сначала выжигали уголь, а затем в земляной плавильной печи, раскладывая «слоеный пирог» — этот же уголь и болотную руду, — после нескольких циклов, с вышибанием молотом на наковальне раскаленной окалины, получали железо. Саги свидетельствуют, что переселенцы из Норвегии в Исландию были искусными добывателями железа из болотной руды и искусными же кузнецами.

Добывали ли все гренландские норманны железо сами, еще предстоит доказать, так как следы земляной плавильной печи и горки окалины найдены лишь в нескольких хозяйствах. Если учесть, что вечная мерзлота в Гренландии позволяла добывать торф лишь в ограниченное время года (обычно только в июле и августе) и что запасы торфа, шедшего и на обычное топливо, тоже не были неисчерпаемы, то можно думать, что с течением времени, через два — три и больше столетий, когда численность населения Гренландии значительно возросла, выплавка железа могла вовсе прекратиться, и норманны должны были выменивать в Норвегии на свои товары не только древесину для строительства, но и железо.

Для обмена на зерно, железо и лес у гренландских норманнов были свои товары. Это были моржовые клыки и шкуры морского зверя, нарвалья кость и сливочное масло, овечий сыр и вадмель, т. е. грубое серое домотканное полотно из овечьей шерсти, из которого изготовлялась также вся одежда гренландских норманнов, мало практичная в холодных и сырых условиях ледового острова.

С 1000 г. н. э. сын Эрика Рыжего Лейв Эрикссон, воспитывавшийся и служивший при дворе норвежского короля Улава Трюггвасона, по указанию последнего вернулся в Гренландию для провозглашения там христианства. Мать Лейва Эрикссона Тъёдхильда, тотчас принявшая христианство, в отличие от упрямого язычника, ее супруга Эрика Рыжего, повелела построить вблизи их двора в Братталиде церковь. В 1124 г. норвежский король Сигурд Йорсальфар разрешил гренландским норманнам иметь собственного епископа. Число церквей стало возрастать. Предполагается, что в это время усилились также связи Гренландии с Европой благодаря, например, контактам епископа с папой римским. На равнинном участке близ Гардара на берегу Эйнарфьорда были воздвигнуты большая епископская усадьба и собор. Церковь присвоила себе немало земель оскудевших семейных общин, члены которых пополнили два монастыря.

В 1152 г. гренландская церковь попала в подчинение норвежского епископа в Нидаросе (Тронхейм). А в 1261 г., после долгих домогательств норвежского короля Хокона Хоконссона, и сама Гренландия стала заморским владением Норвегии. Не сохранилось никакого письменного документа, который свидетельствовал бы об условиях этого присоединения. Но можно предполагать, что подобно почти одновременно присоединившейся к Норвегии Исландии, оформившей этот акт письменным договором, гренландские норманны на требование короля платить ему подати взамен потребовали каждый год посылать по кораблю с необходимыми товарами для обмена на местные. То, что мог быть именно товарообмен, а не торговля за деньги, вытекает из редких письменных свидетельств XII—XIV вв., где речь идет именно об обмене товарами, а также из того интересного факта, что среди руин дворов гренландских норманнов археологи не обнаружили ни одной монеты.

Пожалуй, именно в XII—XIII вв. хозяйство гренландских норманнов достигло наибольшего расцвета. К 1300 г. в Гренландии уже насчитывалось 280 дворов, из них 190 в Эстербюгде и 90 в Вестербюгде. Эстербюгд также имел 12 приходских церквей, епископство с собором и 2 монастыря (женский и мужской), а в Вестербюгде было 4 приходских церкви. Общее число жителей, по разным оценкам, составляло от 3 до 5 тысяч человек.

Улучшение благосостояния гренландских норманнов в XII—XIII вв. отчасти можно объяснить тем, что в Северной Европе после эпохи викингов с ее грабительскими набегами наступило время лихорадочного развития торговли. Викинги как бы развели и проложили торговые пути своим предприимчивым потомкам-купцам. Все те скандинавы, которые при ограниченности годных для обработки земель на севере не могли найти применения своим силам в земледельческо-животноводческих хозяйствах, устремились в торговые плавания, причем не только с соотечественниками, но и на заморских кораблях заезжих купцов. Масштаб участия в торговле был столь велик, что стало не хватать рабочей силы в сельском хозяйстве.

Тревога за развал сельского хозяйства в Норвегии была столь сильна, что король Сверре в 1186 г. обратился к заморским купцам с призывом, с одной стороны, усилить торговлю с их страной, с другой — не принимать в свои предприятия норвежцев. В XIII в. норвежский король Хокон Хоконссон даже ввел соответствующие ограничения соотечественникам в «Судебник Фростатинга».

В XIV в. торговлю на Севере Европы захватил в свои руки немецкий Ганзейский Союз. В 1344 г. Ганза отказалась торговать с Гренландией. Вместо моржовых клыков и нарвальей кости из Гренландии ганзейцы продавали более ходкую слоновую кость, которая попадала в Европу из Индии через арабских и итальянских купцов, вместо гренландских мехов — меховую продукцию Руси, вместо гренландского вадмеля — более дешевые английские и голландские шерстяные ткани. Связь с Гренландией почти полностью обрывается, и лишь очень редко в документах XIV и XV вв. встречаются какие-то отдаленные и смутные отголоски событий на ледовом острове.

Гренландия оказалась в экономической изоляции. Это было разорительно для экономики, но, может быть, в то же время спасало гренландцев от другой беды — смертоносных эпидемий. В 1347 г. с ганзейскими кораблями в Норвегию пришел «Великий людской мор» — чума, и треть населения страны вымерла. И позже, до конца этого столетия, чума не раз вторгалась в Скандинавию.

С конца XIV в., Норвегия попадает в подчинение Дании в рамках датско-шведско-норвежской унии. Короли унии, свято блюдя существовавший в Дании принцип королевской монопольной торговли и запрещая чьим-либо кораблям посещать скандинавские владения на Фарерах, в Исландии и в Гренландии, в то же время не предприняли ни одной попытки возобновить связи с последней. Внутренние неурядицы и эпидемии отвлекали внимание монархов от далекой колонии. Когда же в правление норвежского короля Магнуса Эрикссона (1319—1371 гг.) в Норвегию приходят тревожные слухи о нападении эскимосов на гренландских норманнов, король будто бы пытался снарядить спасательную экспедицию. Но ничего неизвестно о том, отправилась ли она в действительности в Гренландию.

Один источник сообщает, что в 1382 г. из Гренландии в Норвегию прибыл корабль с «новостью», что гренландский епископ Альв умер еще... 6 лет назад. Из другого источника известно также, что в 1406 г.

какой-то коробаль из Норвегии отправился в Исландию и Гренландию, что в Гренландии экипаж побывал на пышной свадьбе в Хвальсёе, в Эстербюгде, у входа в тот же Эйнарфьорд, где стояла пустая уже усадьба епископа, а вернулся корабль лишь через 4 года. После 1410 г. никаких письменных свидетельств о посылке кораблей в Гренландию вообще нет, и можно подумать, что о ней забыли.

Отгороженные от мира, гренландские норманны были предоставлены самим себе. Где они могли получить лес, железо, пшеницу? Разве что в открытой Лейвом Эрикссоном в 1000 г. Америке, где он высаживался на берега Хеллюланда (Страна Плоских Камней), Маркланда (Лесная Страна) и Винланда (Страна Пастбищ или Страна Винограда, по разным толкованиям). Ведь в Исландских анналах за 1121 г. глухо сообщается, что епископ Эрик Упси отплыл из Гренландии для того, чтобы навестить Винланд. В 1342 г. исландский хронист Гисле Оддсон, как бы между прочим, сообщает в своих записках, что жители Гренландии «обращались с просьбой к людям Винланда». В 1347 г. в тех же записках упомянуто, как о рядовом событии, что один корабль пришел в Исландию из Маркланда с грузом леса.

После смерти епископа Альва в 1376 г. ни один из епископов Гренландии не выезжал более в свою епархию. Уже в этом столетии имеется прямое свидетельство того, что Вестербюгд перестал существовать. Так, из «Описаний древней Гренландии» предшественника Альва епископа Ивара Бордссона явствует, что он в середине XIV в. из своей резиденции в Гардаре (Эстербюгд) отправился в Вестербюгд в надежде «прогнать эскимосов», но поселение уже оказалось совершенно безлюдным и всюду бродили беспризорные лошади и другой домашний скот. А согласно гамбургской хронике, один корабль в 1542 г. побывал в Эстербюгде, но и там жителей уже не было обнаружено. Впрочем, даже путь туда был забыт моряками и торговцами, и возможно, что Эстербюгд (перевод: Восточный населенный район) искали где-либо на восточном берегу Гренландии, как это многократно делали в следующие десятилетия. Так, в 1559 г. люди с другого корабля вообще никого и никаких следов людей и построек не нашли на... восточном берегу Гренландии.

И все же в Скандинавии, может быть в духовных кругах, память о гренландских норманнах и, наверное, о маршруте туда была жива. И когда в 1721 г. норвежский миссионер Ханс Эгgede отправился в Гренландию с целью усиления проповеди христианских идей, он обнаружил лишь руины норманнских поселений, да эскимосов, уже живущих повсеместно на землях Эстербюгда и Вестербюгда.

Осталось разобрать, к каким же выводам приходят ученые, которые занимались выяснением причин исчезновения гренландских норманнов. Вопрос этот обсуждается уже в течение 80 лет и до сих пор вызывает оживленные споры, хотя в целом ясно, как и почему пришли в упадок Эстербюгд и Вестербюгд. Это комплекс тех трудностей, с которыми из столетия в столетие во все возрастающей степени сталкивались потомки викингов в Гренландии.

Наиболее общая причина, на которую обращают внимание почти все специалисты (но не все придают ей решающее значение), состоит в ухудшении климата. Главную роль в гибели норманнских колоний в Гренландии отводили ухудшившемуся климату датские археологи Повл Нёрлунн, Оге Рассел, Даниель Брююн, исландский географ и геолог Сигурдур Тораринсон. Они полагали, что довольно мягкий климат X—XI вв. становился все жестче с конца XIII в. и достиг тяжелых, критических пределов в XIV—XV вв. Граница растительности опустилась, оскудели

пастбища, на них и на поселения наступали ледники, а паковые льды в море блокировали побережье, мешая судоходству.

Американец Мартин Спессер, изучая циклические изменения климата земли, установил, что после самого теплого в период нашего летоисчисления времени между 600 и 700 гг., предельное похолодание относится примерно к 1433 г. Почти в то же время, в 1438 г., Карл VII торжественно вступил в Париж, и источники отмечают столь суровую зиму, что волки из Булоньского леса вбегали в поисках тепла на улицы города. Из китайских анналов также явствует, что в XIV в., особенно в 1370—1385 гг., на солнце наблюдалось необычное множество пятен. В Исландии в XIV и XV вв. было несколько тяжелейших неурожайных лет, связанных с похолоданием, и нередко это приводило к падежу скота. Так, в 1483 г. в Исландии было 233 000 овец, а год спустя, после очень холодной зимы и весны, их осталось только 42 000.

Знаменитый норвежец Фритьоф Нансен, не отрицая ухудшения климата, все же отказывался признать его причиной гибели гренландских норманнов. Он полагал, что летняя температура была достаточной для существования людей и животных. В очень суровые годы и даже десятилетия гренландские норманны могли выселиться к берегу и от традиционного животноводства полностью перейти к морским промыслам, освоить эскимосский инвентарь, а со временем, по мнению Нансена, вообще влиться в эскимосский народ. Как думает Нансен, через несколько поколений норманны могли забыть о своем происхождении. В подтверждение тесных связей норманнов с эскимосами он приводит сообщение 1342 г., где говорится: «Обитатели Гренландии добровольно отпали от истинной веры и религии христиан, а затем, отбросив все добрые обычаи и истинные добродетели, повернулись к народу нового мира» (т. е. «явно к эскимосам», говорит Нансен).

Итальянец К. Джини и норвежец Х. Ингстад по-своему поддержали возможность такого слияния норманнов с эскимосами, правда применительно лишь к Вестербюгду. Они утверждают, что в такой обособленной общине, в какую превратился Вестербюгд, мужское население должно было сокращаться быстрее, чем женское. По их мнению, норвежские женщины оказались там в значительном большинстве и в конечном итоге (около 1342 г., т. е. согласно вышеприведенному тексту, найденному в архиве Ватикана), «под угрозой остаться без мужей», соединились с эскимосами.

Датский ученый Теркель Матиассен в 1935 г. высказал мысль, что даже для Вестербюгда такое толкование совсем не обосновано, так как оно не подтверждено антропологическими исследованиями. Ингстад тоже знает, что антропологи не находят следов средневекового смешения рас, но все же оставляет для себя лазейку. Он говорит, что норманнок было мало и что поэтому не удастся найти изменения в антропологическом облике эскимосов.

Более реальной некоторые считают гибель норманнов от вооруженных стычек с численно превосходящими их эскимосами. К такому выводу склонялись миссионеры норвежец Ханс Эгедэ (XVIII в.) и датчанин Х. Х. Эстергор (XIX в.) и упомянутый выше ученый Теркель Матиассен. Фр. Нансен отрицал возможность уничтожения эскимосами норманнов и указывал, что главная особенность их нынешнего психического склада, по его личным наблюдениям во время жизни среди эскимосов, — миролюбие. Но ныне и скандинавы миролюбивы. Не то было в эпоху викингов, когда они по воинственности превосходили, пожалуй, всех современников!

Сторонники гипотезы истребления норманнов эскимосами считали,

что Вестербюгд был уничтожен в начале второй половины XIV в., а один из документов свидетельствует, что в 1379 г. эскимосы напали даже на Эстербюгд, убили 18 человек и увели двух подростков с собой. Кроме того, археологами доказано, что именно в XIV в., возможно в связи с похолоданием, происходило массовое перемещение эскимосов вдоль берега на юг. Это была волна эскимосов культуры инугсук. Эгgede предполагал, что их было до 30 000, а норманнов в ту пору, в XIV в., — 3000, и они были разбросаны небольшими группами по своим хуторам.

Оригинальную гипотезу выдвинул датский геоботаник Юханнес Иверсен. Считая, как и Нансен, что похолодания в катастрофических формах не было, он утверждает, что климат все же изменился. По его мнению, лето стало сухим, а это способствовало небывалому нашествию травяной моли *Agrotis oculata*, которая уничтожила растительный покров, погубив тем самым корм для скота и сам скот. Иверсен пишет, что норманны вынуждены были перейти из внутренних частей фьордов к морскому побережью и заняться промыслом морского зверя. Но здесь, на берегу и на воде, они были истреблены спустившимися с севера эскимосами. И хотя гипотеза Иверсена, казалось бы, была подтверждена обнаружением слоев чешуек с крылышек бабочек и личинок травяной моли в земле, находки эти локальные, касаются только колонии Вестербюгд, и неизвестно, в какой мере можно распространять его гипотезу на все поселения гренландских норманнов.

Датчанин Х. Л. Вебэк, соглашаясь с Иверсеном в том, что климат летом стал сухим, отводит главную роль в уничтожении норманнских хозяйств и самих норманнов высыханию пастбищ из-за нехватки влаги и регулярно наступающим пескам, что также подтверждено песчаными отложениями на местах прежних дворов.

Чумные и другие эпидемии в Европе, а также в Норвегии и Исландии в XIV и XV вв. могли оказаться, может быть, завершающим ударом по норманнам. Канадец исландского происхождения В. Стефансон в 1906 г. сравнил число потомков эскимосов (их осталось 30) в дельте реки Макензи с численностью их в 1848 г., до волны эпидемий здесь, когда Рихардсен насчитывал их около 2000. Это сравнение подтверждает реальность гипотезы об исчезновении гренландских норманнов вследствие эпидемий.

Выдвигаются гипотезы, в частности тем же Х. Ингстадом, о том, что колонии гренландских норманнов могли быть истреблены европейскими пиратами в XV и в начале XVI вв., когда они не оставляли в покое даже очень удаленные от Европы острова — ни Фарерские, ни Исландию. Однако все же прямых свидетельств о таких нападениях европейских или африканских пиратов на берега Гренландии нет.

Многие исследователи уделяют большое внимание фактору прекращения контактов Гренландии с Норвегией. Причем, единодушно считая этот факт гибельным для колоний норманнов, они выдвигают разные причины самого этого прекращения контактов.

Горячие дискуссии вызвала гипотеза датского антрополога Фр. Х. Хансена о физической и психической дегенерации гренландских норманнов под воздействием различных сложившихся здесь неблагоприятных факторов: сурового климата, скудости питания, вытекающих отсюда характерных заболеваний. В основе выводов Хансена, опубликованных в 1924 г., лежит исследование 25 человеческих скелетов с хорошо сохранившейся на них одеждой. Скелеты были найдены при археологических раскопках 1921 г. на церковном дворе в Херьюльвнесе, в 50 км западнее мыса Фарвель. Напомним, что это один из самых первых норманнских хуторов, возникших в Гренландии. Просуществовал он, как мы увидим, дольше всех.

Исследовав находки в лабораторных условиях в Копенгагене, Хансен установил, что для всех скелетов типичны искривления позвоночного столба, признаки рахита, ревматических и подагрических отклонений в костях. Большинство женщин имело уродливый и узкий таз, так что многие из них не могли рожать живых детей. Средний возраст жизни мужчин и женщин был крайне низким — самым старым едва ли было больше 30 лет.

Эти люди были поразительно малы ростом, особенно женщины, у которых он в среднем составлял 140 см. Трое самых высоких мужчин имели рост 154, 158 и 162 см. Зубы у всех были почти совершенно изношены: от кариеса, стоматита, стирания гравием и песком в пище; видимо, при меси в муке образовывались при размалывании привозного зерна и местных диких злаков на каменных жерновах. В ряде случаев отсутствие большинства зубов можно было объяснить цингой.

При изучении этих 25 черепов нельзя было заметить каких-либо признаков смешения с эскимосами. Но удивительно мала у этих норманнов емкость черепа, не идущая ни в какое сравнение с эскимосами Гренландии, живущими в тех же, что и норманны, тяжелых физико-географических условиях, но обладающими черепом нормальной емкости.

Не менее сенсационным, чем обмеры скелетов и черепов, была в этой коллекции повседневная одежда. Она-то и дала возможность точной датировки находок. Здесь были женские платья до пят и мужские плащи с капюшоном с «хвостом» и наплечником. Значительная часть одежды по покрою соответствовала модам в Европе во второй половине XIV в. Больше всего привлекли внимание высокие мужские головные уборы, которые-то и дали возможность говорить, что мы здесь имеем дело с последними норманнами Гренландии. Эти головные уборы повсеместно встречаются на картинах голландских художников второй половины XV в. — Дирка Боута (около 1415—1475 гг.), Г. Меллинга (около 1433—1494 гг.), П. Кристуса (ум. ок. 1473 г.) и Г. Давида (около 1455—1523 гг.). Считаю, что этот головной убор доказывает, что норманны в Гренландии, по крайней мере в этой, самой южной части колонии Эстербюгд, жили до 1500 г. Датский археолог Нёрлуни нашел также обрывки женских платьев, которые были в моде в Дании в последние годы XV в.

Гипотезу Хансена могли поддержать или опровергнуть новые исследования скелетного материала в других частях Эстербюгда и Вестербюгда. Но датские антропологи К. Фишер-Мёллер и Ёрген Балслев Ёргенсен по находкам в Эстербюгде, в частности на церковном дворе Братталид, утверждают, что ни об измельчании людей, ни тем более о психической дегенерации, говорить не приходится. Да, обмеры скелетов из Братталида, проведенные в 1964 г., оказались весьма интересными. Например, средний рост людей из братской могилы южнее церкви оказался 177 см! Полагают, что здесь захоронена команда какого-то погибшего корабля. Но и средний рост всех мужчин с кладбища в Братталиде тоже довольно большой. Он равен 174 см, причем три из них имели рост 184 см, а один — 185 см. Все женщины захоронены восточнее и южнее церкви и имеют средний рост 166 см. Среди всех скелетов взрослых на этом кладбище численно преобладали мужские.

Одежда в захоронениях в Братталиде не сохранилась. Да и костный материал во влажной промерзлой глине изрядно истлел. И все же, если на Херьюльснесе находки датировались XIV—XV вв., то в Братталиде, где из раскопанных 150 могил изучены костные остатки 96 индивидов, удалось установить, что скелетный материал относился к современникам... Эрика Рыжего, Тьедхильды и Лейва Эрикссона.

Как видим, данные по Братталиду не могут опровергнуть доводов Хансена о дегенерации норманнов в XV в. на Херьюльвснесе, ибо в Братталиде скелетный материал относится к начальному этапу колонизации Гренландии. Правда, и у этих скелетов заметны аномалии — признаки ревматических изменений в позвоночнике и бедрах, признаки сильной подагры. Однако все черепа — нормальной емкости. Но ведь впереди у потомков этих, в действительности первых норманнов было еще 400—500 лет жизни в крайне неблагоприятных условиях! Еще важнее другое: достаточно ли убедителен критерий емкости черепа, чтобы судить об уровне психического развития? Во всяком случае, против гипотезы Хансена ополчились почти все антропологи, знакомые с его выводами.

И наконец, может быть последняя гипотеза: норманны выселились из Гренландии в Америку, т. е. в упомянутые выше Маркланд или Винланд. Эту гипотезу поддерживают американец шведского происхождения Я. Р. Холанд, норвежцы Ё. Кр. Турнёе и Х. Ингстад. Они приводят в качестве доказательств свидетельства европейцев XVI—XVII вв., преимущественно португальцев и англичан, которые отмечали в своих дневниках сходство некоторых индейцев, живших на Ньюфаундленде и в других восточных частях Канады, с европейцами.

Отчего же все-таки вымерли потомки викингов в Гренландии? Очевидно, от комплекса всех перечисленных выше факторов, легших в основу не исключающих друг друга гипотез. И все эти факторы в большей или в меньшей степени способствовали вымиранию норманнов или исчезновению их из Гренландии. Ни одну из перечисленных гипотез пока отбросить нельзя. При этом нельзя отметить и утверждения, кажущиеся самыми фантастическими, в частности о переселении гренландских норманнов в Америку. Науке нужны еще многие и разносторонние факты для выяснения судьбы гренландских норманнов.

Литература и источники:

- Bolstad Ø. Sagaen om norskebygdene paa Grønland, Oslo, 1945. Brunn D. Nordboruiner i Godthaabs og Frederikshaabs Distrikter, «Meddelelser om Grønland», Bd. 56, København, 1916; его же: The Icelandic colonization of Greenland, and the finding of Vineland, «Meddelelser om Grønland», Bd. 57, København, 1918; его же: Oversigt over Nordboruiner i Godthaab- og Frederikshaab-Distrikter, «Meddelelser om Grønland», Bd. 57, København, 1918. Brøgger A. W. Winlandfaharten, Hamburg, 1939. Bårdsson I. Det gamle Grønlands beskrivelse. Udgiven efter håndskrifterne af Finnur Jonsson. København, 1930. Egede H. Det gamle Grønlands nye Perustration, eller Natural-Historie og Beskrivelse over det gamle Crønlands Situation, Luft, Temperament og Beskaffenhed, de gamle norske Coloniers Begyndelse og Undergang der Samme-Steds... Norge og Grønland», bd. I, Oslo, 1926. Erik Den Rødes Saga, Kristiania, 1899. Fischer-Møller K. The mediaeval Norse settlements in Greenland. Anthropological investigations, «Meddelelser om Grønland», Bd. 89, Nr. 2, København, 1942; его же: Skeletons from Ancient Greenland graves, «Meddelelser om Grønland», Bd. 119, Nr. 4, København, 1938. Gini C. De norrøne grønlandsbygders undergang, «Naturen», Bergen, 1957; его же: On the extinction of the Norse settlements in Greenland, Bergen, 1958. Grønlandsbogen, I—II, København, 1950. Hansen Fr. C. C. Antropologia medico-historica Groenlandiae antiquae. I. Herjolfsnes, «Meddelelser om Grønland», Bd. 67, Nr. 3, København, 1924. Holland Hj. R. Explorations in America before Columbus, New York, 1956. Ingstad H. Landet under Leidarstjernen, Oslo, 1960; его же: Vesterveg til Vinland, Oslo, 1965. Iversen J. Moorgeologische Untersuchungen auf Grönland. «Meddelelser fra Dansk geologisk Forening», Bd. 8, Copenhagen, 1934; его же: Nordboernes Undergang paa Grønland i geologisk Belysning, «Det grønlandisk Selskabs Aarsskrift 1935». Copenhagen, 1935. Jørgensen J. B. The Eskimo skeleton, «Meddelelser om Grønland», Bd. 146, København, 1953. Krogh K. J. Thjodhildes kirke pa Brattah-

lid, «Nationalmuseets Arbejdsmark 1963—1965», Odense, 1965. Mathiassen. Th. Skraelingerne i Grønland, København, 1935; его же: Nordboernes sammentraef med Eskimoene i Grønland. «Meddelelser om Grønland», Bd. 161, Nr. 3, København, 1958. Nansen Fr. Nord i taakeheimen, Kristiania, 1911. Nørlund P. Buried Norsemen at Herjolfsnes, «Meddelelser om Grønland», Bd. 67, Nr. 1, København, 1924; его же: De gamle Nordbobygder ved Verdens Ende, Copenhagen, 1934; его же: Viking settlers in Greenland and their descendants during five hundred years, London, Copenhagen, 1936. Nørlund P., Stenberger M., Brattahlid, «Meddelelser om Grønland», Bd. 88, Nr. 1, København, 1934; Stefansson V. Greenland, New York, 1947. Stenberger M. Island och Grönland som nordisk bygd under vikingetid och medeltid, «Ymer», 61, Stockholm, 1941. Vebæk C. L. Middelalderlige bondegaarde paa Grønland, «Fra Nationalmuseets Arbejdsmark 1941», København, 1942.
